

Александр Маннин

Ида

Действующие лица

Ида (Аделаида), 14 лет — девочка, дочь журналиста

Андрей, 13 лет — мальчик, сын капитана подводной лодки

Взрослый Андрей

Отец Иды, журналист

Действие происходит в небольшом северном закрытом городе.

Сцена первая. Набережная

Раннее утро. Набережная. Подводная лодка выходит из гавани. На берегу стоит Андрей. Он смотрит на лодку и провожает её, отдавая воинский салют.

В глубине сцены, у волнореза, стоит Отец Иды. Он в куртке, с блокнотом. Он наблюдает за морем. Время от времени записывает что-то. Его почти не замечают.

Ида: К непокрытой голове не прикладывают...

Ида — девочка лет четырнадцати. Она кажется щупленькой, особенно на северном воздухе, будучи легко одетой.

Андрей: Много ты понимаешь. Без девчонок справимся.

Ида: Просто сказала. Куда они?

Андрей: Учебно-боевое задание. Большие маневры планируются.

Ида: С кем воюют?

Андрей: Пока противник воображаемый. Предполагается выпустить торпеду и несколько крылатых ракет.

Ида: Как это так — стрелять, но по воображаемому противнику?

Андрей: Я же говорил, что ничего ты в этом не смыслишь!

Ида: Торпеду ведь выпускают...

Андрей: Да.

Ида: А противник воображаемый...

Андрей: Ну.

Ида: Невозможно попасть в воображаемого противника. А у любой торпеды всегда есть цель. Значит, она должна куда-то попасть.

Андрей: Глупая. На ней, наверное, боевого заряда нет, либо она просто разорвётся в указанном квадрате... А настоящая цель будет уже потом, когда будут заряжать боевыми.

Ида: Её настоящая цель... будет потом. Куда-то она всё-таки должна попасть. Торпеды никогда просто так не пускают. Ей всегда в кого-то целятся... А она свою цель ищет.

Андрей: И найдёт, непременно.

Ида: Да...

Андрей: Ну, в смысле, когда встретятся с настоящим противником.

Ида: Каким?

Андрей: Мало ли у нас противников?

Ида: Много?

Андрей: Полно. Пусть видят, какие у нас есть ракеты... И смелые моряки. И даже не думают свой нос сюда совать. Надаём.

Ида: А кому?

Андрей: Ну сказал же, много их. Всем. И всем что-то надо.

Ида: Что надо?

Андрей: Время сейчас... беспокойное. Но пусть знают, что наши моряки умеют... И никого, никого в обиду не дадут.

Ида (перебивая): У тебя там кто-то есть?

Андрей: Где?

Ида: На этой лодке подводной. На корабле.

Андрей (пауза): С чего ты решила?

Ида (серьёзно): Есть.

Андрей: Ну есть.

(пауза)

Андрей: И у тебя есть.

Ида: Нет.

Андрей: Врёшь. Здесь у всех кто-нибудь на флоте служит. Город маленький. Несколько тысяч. И у всех кто-то есть. И у тебя.

Ида: Нет.

Андрей: Поэтому ты сюда в такую рань и пришла.

Ида: А я и не приходила.

Андрей: Что?

Ида: Я вообще, строго говоря, не отсюда.

Андрей: А... То-то я смотрю, я тебя раньше не видел. Ни на Северной Губе, ни в школе, ни у Автопарка. Новенькая, да?

Ида: Нет.

Андрей: Странная. А откуда ты?

Ида: Не скажу.

Андрей: Это почему ещё?

Ида: Потому что это страшный секрет. Почти мистический. За гранью человеческого понимания.

Андрей: Расскажи.

Ида: Ты умеешь секреты хранить?

Андрей: Слово сына морского офицера!

Ида: Чем докажешь?

Андрей (чуть обижаясь): Ты меня вообще слышала? Знаешь, что это значит — слово офицера?

Ида: Ты сказал...

Андрей (перебивая): Офицеры просто так словами не разбрасываются. Если что-то сказали... А я — сын морского офицера. У нас, считай, то же самое.

Ида: Верю.

Андрей: Так откуда ты? С Школьной улицы?

Ида: Нет.

Андрей: Значит, с улицы Преображенского.

Ида: Нет.

Андрей: Значит, из Мурманска приехала.

Ида: Говорю же, не приехала. *(делая голос тише)* Приплыла.

(пауза)

Андрей: Врать нехорошо. У нас в порту одни военные корабли, сюда гражданских не пускают. Вы где лодку оставили?

Ида: Да нет у нас никакой лодки.

Андрей: Не понимаю.

Ида (серьёзно): Ты про русалок что-то слышал?

Андрей: За дурака держишь?

Ида смотрит очень серьёзно.

Андрей: Дура ты. Я пошёл.

Ида: Иди. Все вы, люди, одинаковые.

Андрей: Потому что глупости это всё.

Ида: Почему глупости?

Андрей: Русалок не бывает. Это все знают. Это сказки.

Ида: Почему не бывает?

Андрей: Факты научные, биология, анатомия... Ты в школу ходишь?

Ида: Нет у нас школ.

Андрей: Да где?

Ида: На дне.

Андрей: Опять за своё.

Ида: Меня папа дома учит. Морской царь.

Андрей: Приехали. Слушай ты, как тебя?

Ида: Кассандра.

Андрей: Как?

Ида: Кассандра.

Андрей: Сама странная и имя у тебя странное.

Ида: Почему странное? Ты что, ни одной Кассандры не знаешь?

Андрей: Как-то не приходилось встречаться. В основном Маши, Светы, Кати...

Ида: Вот теперь будет ещё одна Кассандра. Это меня папа так назвал.

Андрей: Морской Царь.

Ида: Да.

Андрей: Выдумщик твой папа, конечно.

Ида: Да.

Андрей: Почему так?

Ида: Что?

Андрей: Почему все остальные Маши, Светы и Кати, а ты — Кассандра? Это странно.

Ида: Даже для русалки?

Андрей (усмехаясь): Даже для русалки.

Ида: У нас так заведено. Передавать имена от поколения к поколению. Это имя греческое. Так звали дочь одного троянского царя. Боги дали ей возможность видеть будущее, но никто не верил её предсказаниям. Она знала, что Трои разрушат, но спасти её не смогла...

Андрей: Почему?

Ида: Не знаю. Что должно было случиться, то случилось. Тяжело это знать, но ничего не сделать. Грустно...

Андрей: Ну и почему тебя папа так назвал? В честь этой Кассандры. Он что, тебе счастья не хочет?

Ида: Ты же сам сказал — выдумщик. Хотел, чтобы я тоже обладала таким даром. Мы же существа волшебные. Кто поёт красиво, а кто видит будущее. Как я.

Андрей: Всё равно я тебе не верю. И не поверю. Имя у неё греческое...

Ида: Почему?

Андрей: Где мы и где Греция...

Ида: Не так далеко.

Андрей: Это если по суше. А ты же русалка (*смеясь*) — забыла? Надо из Баренцева в Норвежское, через Атлантику и Гибралтар, Мальорка, Средиземное море.

Ида: Какая у тебя память хорошая. Ты откуда это всё знаешь?

Андрей: Нам в училище рассказывают. География, военно-морское дело, патриотическая подготовка.

Ида: Будешь моряком?

Андрей: Обязательно.

Ида: Жалко.

Андрей: Это ещё почему?

Ида: Выйдешь в море и не вернёшься...

Андрей: Хорошие у тебя предсказания. Вот поэтому в них и не верит никто.

Ида: ...А кто-то будет сидеть и ждать тебя, как Ассоль. Моряки, которые уходят из порта, никогда в него не возвращаются.

Андрей: Глупости. Мой папа всегда возвращается.

Ида: *(грустно задумалась)* Это так. Но они не возвращаются прежними. Никогда. Как и все, кто покидает свой родной дом в поисках приключений. Уходит один человек, приходит другой. А путешествия моряков ещё и очень опасные — они долгие, длинные, и всё это время они сами себе не принадлежат. Они принадлежат морю, как и мы, русалки.

Андрей: Вот ещё. Ты с чего это решила, что всё знаешь?

Ида: Потому что знаю. Я же Кассандра, забыл?

Андрей: Никакая ты не Кассандра. Хватит. Глупости это всё. Море у нас холодное, здесь Север. Снега, льды. Температура воды зимой — пять градусов. Никто в такой не выживет, замёрзнет. Русалки, Греция. Одни фантазии. У нас здесь жизнь другая, без русалок и прочей мистики, но с атомными ледоколами, полярными ночами и минус тридцать пять в любой зимний день. Размечталась тут на берегу. Ассоль. И никакое будущее ты видеть не можешь. Никто его видеть не может — оно непредсказуемо, оно ещё не случилось. Навыдумывала с три короба.

Ида: Разложил всё по полочкам, по порядку — хорошо вас в училище учат. География, военно-морское дело, патриотическая подготовка. Садись, пять. *(начинает собираться)* Может, я и не Кассандра, но имя у меня всё равно странное, не переживай — тут я тебя не обманывала. *(протягивает руку)* Аделаида. Ида. Ада. Как удобно.

Андрей: Аделаида...

Ида: Знаешь песню? «Ветер, туман и снег? Мы одни в этом доме...» Папа очень любил эту песню.

Андрей: Твой папа...

Ида: Он вообще много чего любил. Любил кофе делать в турке, любил ходить с рюкзаком по северным лесам и жить на природе, любил полярное сияние и тропические леса. И больше всего он любил путешествовать. Очень любил. А ещё любил играть на гитаре, слушать Гребенщикова из группы «Аквариум», любил ходить с бородой, собирать своих бывших однокурсников с филологического факультета на кухне нашей квартиры.

Андрей: И вместе с ними мечтать?

Ида: Да. Мечтать, что всё изменится. Что будет не только атомный ледокол и подводные лодки, военно-морское училище — вот это всё вокруг. Колесил по стране, подписи собирал. Я когда в школу пошла, его видеть почти перестала — так он вдруг активно зажил и всё полюбил ещё больше, когда страна наша проснулась и встала резко, как будто разбуженная.

Андрей: А потом?

Ида: А вот когда она упала на бок... Он как будто увидел, как от такой активности всё вокруг перегрелось. Забурлило, закипело, надломилось и стало плавиться. А он всё ездил и ездил, и всё старался по-прежнему всё любить. И столько всего видел в разных местах нашей большой страны, столько людей, столько всего в этих людях... Что уже просто не смог их любить.

Андрей: Совсем?

Ида: Совсем. Он вообще уже не хотел ничего любить. Ни кофе из турки, ни своих однокурсников из филологического университета. Особенно однокурсников из филологического университета. Потому что не смог с людьми больше. И снова захотел на Север, откуда он выбрался с таким трудом, от атомных ледоколов и таких вот закрытых городов с морскими училищами и улицами Преображенского. Скрыться от горя, от бед, от пожаров и боли.

Андрей: Вся страна, весь мир полыхают. А тут льды.

Ида: Пустота. И люди хоть и есть, но всего несколько тысяч. Столько потерпеть можно. И вода. Холодная, чистая, прозрачная, северная. Тут вообще всё северное, замёрзшее, спящее. Вот и папа вроде как спит. Ходит, ест, книги читает. Пьёт чай, а не кофе из турки, на полярное сияние и тропические леса смотрит по телевизору в программе «Клуб путешественников», а во время новостей телевизор выключает. И много гуляет по этой вот набережной, мимо этих волнорезов, смотрит в даль, в этот бескрайний Север, и всё как сон.

Андрей: И даже тут — подводные лодки?

Ида: И даже тут. Учебно-боевые задания со стрельбой по воображаемым противникам, чтобы потом эти воображаемые противники заменились на реальных, а ракеты и торпеды нашли свою цель.

Андрей: Сколько ракет выпущено по воображаемым противникам?

Ида: Сколько торпед отправлены в свободное плавание? А противник воображаемый. И они рыщут, рыщут его, им нужен вполне конкретный противник. Они не понимают противника «воображаемого». И от того, что найти его они не могут, они звереют, свирепеют, воют в глубине океана, рассекают белые облака, зарываются в горные кручи и мягкую южную землю. И от этого всего хочется ещё больше сбежать куда-нибудь, где нет даже этих нескольких тысяч. Под воду. К русалкам. В эту прозрачную глубину. Но даже там ты будешь слышать рёв двигателей этих подводных лодок — как они пробираются сквозь толщу воды и ищут цели для своих торпед. Пока. Успехов в училище. *(Уходит)*

Андрей (вдогонку): Твой папа сломался просто. Мама говорит, что многие сейчас ломаются. Всем сейчас тяжело. И там, где друг в друга стреляют, и там, где есть нечего, и тут, где холод и работать труднее, чем служить. Куда сейчас ни отправься, везде тяжело будет. Я этого не знаю, но мне почему-то так кажется. Это в воздухе — в портовых складах, на КПП, в вечерней программе «Взгляд», которую папа смотрит, когда возвращается со службы. Потому что если бы такое место было, мы бы туда уже обязательно отправились. Вот и папа твой — искал такое место, но не нашёл. Ему тяжело... А моему не тяжело? Но мой никогда не сломается. Потому что он — морской офицер, и он выполняет свой долг.

Ида: Перед кем?

Андрей: Передо мной. И перед мамой. Ты моего папу видела? Вам обязательно надо познакомиться! Он коренастый и сильный, крепкий и широкоплечий, от чего в подводной лодке ему бывает периодически не очень удобно. Мы живём в маленькой однокомнатной квартире на улице Вербицкого, но каждый день, когда ранним утром за окном темно и полярная ночь, может отключиться свет или нет горячей воды, он просыпается в пять утра, разминается и говорит нам весело: «Рота, подъём!»

Ида: «Рота, подъём»...

Андрей: И ещё он говорит, что худшее уже позади. А впереди — время больших свершений. Мы всё сделаем, всех разбудим, пока есть такие люди, как его команда. Им снаряжение не меняли уже несколько лет, а учебными снарядами они стреляют потому, что других просто нет. Из всей группы на учения вышла только их подлодка. Часть кораблей продали, часть пустили на металлолом. Да и у них тоже не всё работает. Но они вышли в море. Потому что надо. Потому что он нужен своей стране и нужен нам.

Ида: И ты боишься.

Андрей: И мне страшно хочется верить, что он вернётся. Потому что ты действительно права — все, кто покидает свой родной дом, приходят другими. Всё так. Уходит один человек, приходит другой. И путешествия моряков действительно очень опасные — они невыносимо долгие и длинные, и мы с мамой видим папу так редко, что иногда нам кажется, будто он с нами и не живёт. И что мы все друг другу не принадлежим. И пока он в море, мы действительно друг другу не принадлежим. Он принадлежит морю. Этому большому и бескрайнему Северу.

Ида: И вот уже два месяца, как их лодка не выходила в море.

Андрей: И мы жили нормальной жизнью. И забыли, что можем друг другу не принадлежать. И не смотрели телевизор. И не читали газет. И завтракали вместе. А теперь он уходит, на Север, в неизвестность и холодную пустоту стрелять по воображаемым противникам, и я просто хочу, чтобы он возвращался раз за разом.

Ида: Потому что всё, что твой папа видел — это всё правда.

Андрей: Жизнь тяжёлая, в закрытом городе или южном ауле, всё равно. Твой папа новости не смотрит, а моя мама смотрит. Всё время смотрит. Потому что очень боится за папу. И боится увидеть его в новостях среди сюжетов про упавший «Руслан» на севере Иркутска или затонувший боевой корабль. И среди этих новостей такое, что хочется выключить сразу, но не можешь, потому что боишься пропустить новость с учений. Вот и получается, Ида, что всё, что у нас есть — вера в нашего папу, который защитит нас и будет что-то делать, когда никто уже ничего не хочет.

Но папа — военный. А военные... рискуют. И могут не вернуться. И поэтому мне страшно, и в жар бьёт, когда видишь, как его подлодка уходит, и не хочется ничего на голову надевать, поэтому к непокрытой и прикладываешь. Только бы знать, что он вернётся. Так что если ты действительно видишь будущее, если твой папа — морской царь, и если всё, что ты себе представляешь — правда, тогда скажи мне, что ты в этом будущем видишь и когда он вернётся с маневров? Просто скажи — и всё. И можешь идти.

Ида: Не хочется.

Андрей: Уходить?

Ида: Говорить.

Андрей: Вот и мне не хочется знать. И хочется тоже. Потому что дальше выхода с Северной Губы ничего не видно... Ни моря, ни завтрашнего дня, ни папиной подводной лодки (*уходит в себя*).

Ида: Знаешь...

Андрей: Андрей.

Ида: Знаешь, Андрей. Мне иногда кажется, что отсюда, с этого самого волнореза нашего маленького северного города ранним утром, когда папа ещё спит и не выходит гулять к берегу, я действительно вижу всё, что случится. Я хорошо и отчётливо себе это представляю. Потому что много всего ещё случится. Разного. И много тяжёлого, много боли, много потерь. Кажется, что это неизбежно. И все эти ракеты и тяжёлые лодки, весь Северный атомный флот, команда твоего папы и даже ядерный щит нашей большой страны не защитят нас от них. Наоборот.

Андрей: Наоборот?

Ида: Люди столько всего построили, а ведь подумай — оно неизбежно распадается, ржавеет, продаётся на металлолом, разрушается. Что бы Кассандра ни говорила грекам, Троя всё равно пала. Рассыпалась в пыль. И все эти подводные лодки, все снаряды и крылатые ракеты — с ними будет то же самое. С нашим маленьким городом. Останется только большой Север и его льды.

Андрей: Это твой папа так говорит?

Ида: Он теперь мало говорит. Больше пьёт. Твой отец ушёл в море, а мой — в себя. Может быть, ещё вернётся. И твой вернётся. Обязательно. И пусть в следующий раз не уходит, ладно? Пусть остаётся? Пусть побудет рядом? Нечего защищать. Некуда запускать учебные снаряды и крылатые ракеты. Пусть лучше утром будет вас со словами...

Андрей: «Рота, подъём»...

Ида: С любыми словами. Пусть просто больше не уходит, ладно?

Андрей: Слово сына морского офицера. А пока не уходи ты. Пожалуйста.

Ида: Пожалуйста. Уже не хочется.

Андрей: Скоро в училище, а теперь тоже что-то не хочется.

Ида: Разве сегодня не выходной?

Андрей: Четверг.

Ида: Так и до субботы недалеко. Подождём.

Андрей: Красиво здесь.

Ида: Да.

Андрей: Сегодня как-то особенно. Светло и легко. По-северному. Светает.

Ида: С добрым утром, Андрей!

Андрей: С добрым утром, Ида!

Пауза. Они сидят на волнорезе. Свет медленно меняется — утро переходит в день. Отец Иды, стоявший в глубине сцены, делает шаг вперёд. Он смотрит на дочь. Потом уходит.

Сцена вторая. Голос времени

Тот же волнорез. Но время другое. На сцене — Взрослый Андрей. Он стоит там, где сидел мальчик. Рядом — Ида. Она не смотрит на него. Она смотрит в море.

Взрослый Андрей: Наверное, это было самое медленное утро в моей жизни. Время как будто остановилось. Замерло. Мы сидели в самом конце времени и совсем его не чувствовали. Нам никуда не хотелось идти. Кажется, будто мы нашли друг друга. А потом потеряли. И больше никогда уже не виделись.

Ида: Неправда.

Взрослый Андрей: Что?

Ида: Ты сказал — никогда не виделись. Это неправда. Ты приходил. Ещё несколько раз. Ты стоял здесь и ждал.

Взрослый Андрей: Приходил. Ждал. Но не встретил.

Ида: А если бы встретил — что бы ты сказал?

Взрослый Андрей: Я бы спросил. Обо всём. Как не отчаиваться. Что делать дальше. Что ты увидела там, в этом море. Откуда ты всё это знала. Есть ли русалки в Северном море.

Ида: (усмехаясь) Есть ли русалки в Северном море...

Взрослый Андрей: И как научиться жить вокруг этого всего. Вдруг ты знала. Что стало с твоим отцом. Смог ли он снова заваривать кофе в турке и путешествовать на Юг и в горы... Как научиться со всем этим жить. И зачем я всё это тогда наговорил.

Ида: Ты наговорил правду. Тогда её никто не хотел слышать. Но ты её сказал.

Взрослый Андрей: Папа не вернулся. Лодка ушла на дно. И всё, что нам с мамой смогли достать с того самого дна — это небольшое письмо, которое он написал в темноте на ощупь, когда все уцелевшие члены экипажа забаррикадировались в последнем целом отсеке. «Здесь темно писать, но на ощупь попробую. Шансов, похоже, нет, % 10-20. Будем надеяться, что хоть кто-нибудь прочитает. Здесь список личного состава отсеков, которые будут пытаться выйти. Всем привет, отчаиваться не надо». Отчаиваться не надо...

Ида: И ты не отчаялся.

Взрослый Андрей: Я переехал. Время в нашем маленьком городе остановилось насовсем. Но ведь ты действительно была права — столько всего ещё случилось. И ещё случится. А что-то уже нет. Но сейчас, через столько лет, мне страшно интересно, встретимся мы ещё или нет. Но я не Кассандра, чтобы видеть будущее.

Ида: А вот видела ли я его или придумала для себя — загадка на всю жизнь.

Взрослый Андрей: Если ты меня слышишь, Ида — я прошу, приходи. Приплывай. До встречи. Мне хочется снова пожелать тебе доброго утра.

Ида: (оборачиваясь) А знаешь, что я тогда увидела?

Взрослый Андрей: Что?

Ида: Я увидела, что ты будешь сидеть здесь через много лет. Один. И вспоминать. И спрашивать. И не находить ответа.

Взрослый Андрей: И это всё?

Ида: Нет. Я ещё увидела, что ты научишься жить. Не сразу. Но научишься. Потому что ты — сын морского офицера. А они не сдаются.

Взрослый Андрей: *(пауза)* А торпеда?

Ида: Что — торпеда?

Взрослый Андрей: Она нашла свою цель?

Ида: *(пауза)* Она нашла. И цель оказалась не там, где её искали.

Ида смотрит на него. Потом медленно уходит. Свет гаснет. Пауза.

Сцена третья. Отец

Набережная. Другое утро. На сцене — Отец Иды. Он сидит на волнорезе. Рядом — пустая бутылка. Он смотрит в море. Появляется Ида. Она останавливается в нескольких шагах.

Ида: Папа.

Отец Иды не оборачивается.

Ида: Ты опять не спал.

Отец Иды: Спал. На лавочке.

Ида: Здесь холодно.

Отец Иды: Здесь всё холодное. Везде.

Пауза.

Ида: Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

Отец Иды: Я ничего не могу сделать.

Ида: Можешь. Для меня и ещё одного очень хорошего мальчика. Чтобы он не отчаивался.

Она протягивает ему вырезку из газеты. Он не берёт.

Отец Иды: Что это?

Ида: Прочитай.

Пауза. Он берёт вырезку. Читает.

Отец Иды: «Всем привет, отчаиваться не надо»...

Пауза.

Ида: Это письмо одного из членов экипажа. Той самой лодки.

Отец Иды: Я знаю, чья это лодка.

Ида: Ты слышал по радио.

Отец Иды: Я слышал. И я ничего не почувствовал. Ничего. Как будто это не про нас. Как будто это где-то там. Далеко.

Ида: Это здесь. Это в нашем городе. Это в нашем море.

Отец Иды: *(смотрит на неё)* Ты почему такая?

Ида: Какая?

Отец Иды: Взрослая. Тебе четырнадцать. Ты должна смеяться, гулять, влюбляться. А ты сидишь на волнорезе и говоришь про воображаемых противников.

Ида: Я не сижу. Я жду.

Отец Иды: Кого?

Ида: Тебя.

Пауза.

Отец Иды: Я никуда не уходил.

Ида: Уходил. Ты ушёл в себя. Ты пьёшь. Ты не смотришь новости. Ты не варишь кофе. Ты даже не смотришь на полярное сияние. Ты просто ходишь здесь и смотришь в море. Как будто ждёшь, что оно тебе что-то ответит.

Отец Иды: А оно не отвечает.

Ида: Оно и не должно. Это ты должен.

Отец Иды: Что я должен?

Ида: Жить.

Пауза. Отец Иды отворачивается.

Отец Иды: Я не могу.

Ида: Можешь.

Отец Иды: Не могу. Я всё видел. Я всё записал. Я всё помню. И ничего не могу.

Ида: А ты попробуй.

Отец Иды: Что попробовать?

Ида: Сварить кофе.

Пауза.

Отец Иды: Что?

Ида: Кофе. В турке. Как раньше.

Отец Иды: Я не хочу.

Ида: А ты попробуй.

Отец Иды: Я не помню, как.

Ида: Вспомнишь.

Пауза. Отец Иды смотрит на неё. Потом медленно встаёт. Ида протягивает ему турку. Он берёт её. Смотрит. Потом начинает варить кофе. Медленно, неуверенно. Ида стоит рядом.

Отец Иды: *(тихо)* Когда, после всего, что случилось в моей жизни, я вернулся в свой родной северный город, жизнь как будто замерла. Начало нового тысячелетия я встретил будто в забытии. Ничего не помню особо: ни президентских речей у Новогодней ёлки, ни пожара на Останкинской башне, ни даже как «Брат 2» шёл в кинотеатрах.

Ида: Но вот то, как искали и пытались поднять наших подводников, ты запомнил отчётливо.

Отец Иды: Я услышал о затонувшей подлодке, вышедшей из нашего порта, по радио. Невозможно было тогда представить, чем эта история закончится: что наши откажутся от помощи соседних норвежцев, не смогут открыть отсек с живыми людьми, когда те ещё терпеливо будут ждать помощи и надеяться. Что большие и важные фигуры будут врать с экранов телевизоров, говоря, что всё в порядке.

Ида: Дней через десять после трагедии ты вышел на набережную.

Отец Иды: И долго стоял, вглядываясь в глубокое Северное море. Мысли путались, ничего не хотелось. Внезапно сзади раздался голос Иды...

Он смотрит на дочь. Она улыбается.

Ида: Рота, подъём!

Отец Иды вздрагивает. Потом медленно улыбается. Кофе готов. Он наливает его в чашку. Пьёт.

Отец Иды: И мне так захотелось понять, почему это всё с нами происходит. Почему эти ребята не вернулись. Почему лодка пошла ко дну. Кто в этом виноват и можно ли посмотреть им в глаза.

Ида: Следующие несколько лет многие искали ответы на эти вопросы...

Отец Иды: И я искал. Я, конечно, понимал, что ответить на них я не смогу. Не хватит слов. Но я всё равно искал. Потому что хотел ответить.

Он делает шаг к краю сцены. Держит чашку.

Отец Иды: На следующий день дочка разбудила меня со словами: «Рота, подъём». Я встал, сделал кофе в турке, как давно я не делал кофе в турке. И у него снова был вкус. И у всего появился вкус. И смысл.

Ида подходит к нему. Они стоят рядом. Смотрят в море.

Ида: Папа.

Отец Иды: Да?

Ида: А торпеда нашла свою цель?

Пауза.

Отец Иды: Нашла. Она всегда находит. Вопрос только — в кого.

Пауза.

Ида: А русалки?

Отец Иды: (улыбаясь) А русалки — есть. Я проверял.

Ида: Где?

Отец Иды: Здесь. (показывает на сердце) Здесь они есть.

Свет медленно меняется. Звучит запись песни.

И нет ни печали, ни зла,
Ни горечи, ни обиды.
Есть только северный ветер,
И он разбудит меня
Там, где взойдёт звезда Аделаида.
Оттолкнувшись ото дна, лодка пошла вверх.

Занавес.

Конец

© Александр Маннин, 2021

© ДЮО «[Остров Сокровищ](#)», 2021

mail.ostrov@gmail.com